

Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19*

О. Ю. Гукосьяни

Пятигорский государственный университет,
Российская Федерация, 357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Для цитирования: Гукосьяни О.Ю. (2023). Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19. *Медиалингвистика*, 10 (3), 301–318. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.302>

Диапазон средств-актуализаторов конфликтного смысла при фронтационном взаимодействии определяется во многом как ситуацией, провоцирующей столкновение, так и условиями коммуникации. Контекстом конфликта в настоящей работе выступил период пандемии COVID-19. Сферой реализации конфликта выбрана виртуальная среда, жанром — интернет-комментарии. Цель настоящей работы состоит в исчислении вербальных и невербальных маркеров конфликтного речевого поведения, наблюдаемых в интернет-комментариях в период пандемии COVID-19. Достижение поставленной цели становится возможным с помощью методов комплексного коммуникативно-прагматического анализа, лингвостилистического анализа и контекстуального анализа. Приемы статистического анализа позволили определить частотность проявления обозначенных вербальных и невербальных маркеров и установить, таким образом, предпочтительные в обозначенный временной промежуток речевые средства реализации конфликтопровоцирующей интенции авторов комментариев. Вербальными маркерами явились пейоративы, просторечия, жаргон, окказионализмы, зоосемантические метафоры, англоязычные вкрапления, фразеологизмы, лексемы с негативной коннотацией, характеризующие умственное развитие человека, содержащие экспрессивную негативную оценку здоровья, уровня образованности, этнической, расовой, национальной, социальной принадлежности, негативную номинацию лиц с точки зрения профессии, происхождения, социально осуждаемой деятельности, а также лиц, проявляющих нетактичное поведение, приверженцев неподдерживаемых взглядов, идей и позиций, использовались лексические средства с семантической угрозы, изолирования, вакцинирования, императивы, парцеллированные конструкции, сослагательное наклонение, множественные вопросы, повторы, неполные предложения, параллельные конструкции. К невербальным маркерам отнесены: написание текста прописными буквами, зачеркивание части текста с целью его выделения, зрративы, интернет-мемы. Перечисленные вербальные и невербальные маркеры обеспечивают реализацию стратегий и тактик конфликтного речевого поведения коммуникантов, являются ключевыми при формировании определенных взглядов у аудитории. *Ключевые слова:* интернет-опосредованная коммуникация, конфликтное речевое поведение, вербальные маркеры речевой агрессии, невербальные маркеры речевой агрессии, пандемия COVID-19.

* Публикация подготовлена в рамках проекта МК-1675.2022.2 «Комплексное прагмалингвистическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии» по гранту Президента Российской Федерации.

Постановка проблемы

Конфликтное коммуникативное поведение, наблюдаемое в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19, привлекает внимание с точки зрения как определения интенций разжигателей конфликта, так и выявления вербальных и невербальных средств, служащих маркерами конфликтопровоцирующей интенции коммуникантов.

Одним из самых действенных катализаторов коммуникативного конфликта, представляющего собой «результат особого типа общения, особое состояние коммуникативного акта, результат особого речевого поведения» [Муравьева 2002], проистекающего из столкновения интенций участников коммуникации, является речевая агрессия. Д. А. Инфанте определяет агрессивность как деструктивную, разрушительную характеристику [Infante 1989: 159]. Анализируя агрессивные сообщения, П. Шродт и Л. Уилесс заключают, что они связаны с нападками на характер, компетентность и внешний вид, а также с насмешками, угрозами, клеветой, желанием подразнить, применением ненормативной лексики [Schrodtt, Wheelless 2001: 55].

Исчисление средств выражения речевой агрессии становится, таким образом, актуальной задачей, решение которой может способствовать предупреждению эскалации коммуникативных конфликтов в виртуальном пространстве.

Конфликтное коммуникативное поведение в интернет-среде в период пандемии COVID-19 ориентировано на причинение психоэмоционального ущерба коммуникативному партнеру, возбуждение ненависти. На наш взгляд, необходимо также учитывать и тот факт, что протекание беседы в виртуальном пространстве чрезвычайно актуализирует и такую особенность коммуникативных партнеров, как стремление к установлению гегемонии, к осуществлению влияния (*power*) [Towns, Adams 2018], при этом спектр средств достижения этой цели существенно расширяется.

Объектом изучения в настоящей статье выступает агрессивный интернет-комментарий — «образец спонтанной письменной речи, написанной без учета канонов классического “довиртуального” письма», представляющий собой «фрагмент собственного размышления и обращения к другим» [Савельева 2019: 841] и содержащий маркеры конфликтного речевого поведения. Для корректности проводимого анализа уточним понимание нами маркеров как вербальных и невербальных средств выражения речевой агрессии, служащих реализаторами стратегий и тактик конфликтного речевого поведения.

Настоящее исследование ставит своей целью исчислить вербальные и невербальные маркеры конфликтного речевого поведения, наблюдаемые в интернет-комментариях в период пандемии COVID-19, проследить частотность проявления данных маркеров для определения предпочтительных, в обозначенный временной промежуток, речевых средств реализации конфликтопровоцирующей интенции авторов комментариев.

История вопроса

Работы, посвященные конфликтной коммуникации в медийной среде [Сидоров 2019; Голев, Обелюнас 2014; Трофимова, Барабаш 2020], указывают на высокий уровень коммуникативной агрессии, инструментами которой выступают язык

вражды, проявления онлайн-ненависти. Рассматривая вопросы речевого этикета и особенности вежливости в онлайн-общении, Л. Р. Дускаева подчеркивает, что агрессия, проявляемая в виртуальной коммуникации, «нарушает эмоциональную стабильность и потенциально может спровоцировать речевые преступления», а нейтрализация агрессии и создание эмоционально комфортного общения достигаются благодаря использованию правил речевого этикета [Duskaeva 2020: 62].

Ю. В. Щербинина в работе «Речевая агрессия. Территория вражды» предлагает следующее определение: «Речевая (вербальная, словесная) агрессия — проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [Щербинина 2013: 13].

Грубость, отрицательные эмоции, оскорбления в адрес собеседников реализуются в онлайн-общении через «речеповеденческие и текстовые показатели разной знаковой природы (словесные, визуальные)» [Кара-Мурза 2020: 21]. Публикация подобного рода дискредитирующих сообщений способна вызвать «ответную реакцию, ведущую к возникновению цепочек взаимных перепалок между комментирующими» [Иванова 2023]. Языковые средства, используемые оппонентами в конфликтной коммуникации, интересны тем, что являются внешними факторами, видимыми структурами конфликта в речи. Они наблюдаемы и могут сигнализировать о целях и интенциях коммуникантов, их изучение предоставляет информацию об установках, стратегических замыслах и тактических задачах говорящего [Третьякова 2003; Белозерова 2020]. Этим объясняется значительное количество работ, посвященных изучению «языковых средств, способных стать побудительным механизмом порождения речевого конфликта» [Третьякова 2003: 18; Белоус, Ананьева 2020; Воронцова 2017; Кушнерук 2020; Шарифуллин 2016; Cui 2020].

Существенное значение при выявлении маркеров речевой агрессии имеют условия и обстоятельства экспликации конфликта, значимые с социальной, культурной и психологической точек зрения. В рассматриваемой работе общим контекстом всего исследуемого материала послужила ситуация появления и распространения вируса COVID-19, а также последовавший за ней период пандемии, самоизоляции и массовой вакцинации. Сферой проявления конфликтопровоцирующей интенции коммуниканта выбран интернет-комментарий как жанр компьютерно опосредованной коммуникации, позволяющий публиковать спонтанную эмоциональную реакцию, предоставляющий возможность пользователям «вступить в спор с автором обсуждаемого текста и с участниками дискуссии... обвинять “чужих” и находить “своих”» [Голев, Ким 2023].

Описание методики исследования

Материалом для исследования послужили 1200 агрессивных конфликтных сообщений, представляющих собой комментарии к постам в «Живом Журнале», извлеченные методом сплошной выборки. При исследовании материала использовались: метод комплексного коммуникативно-прагматического анализа, позволяющего отнести рассматриваемые комментарии к категории конфликтных, лингвостилистический анализ и контекстуальный анализ, с помощью которых осуществлялось вычленение вербальных и невербальных маркеров конфликтопрово-

цирующей интенции авторов интернет-комментариев, а также приемы статистического анализа для определения частотности проявления обозначенных вербальных и невербальных маркеров.

Анализ материала

Маркеры конфликтного дискурса разнообразны в своем проявлении и применительно к анализируемому материалу (а именно — интернет-опосредованной коммуникации в жанре интернет-комментария) относятся к областям лексики, синтаксиса, стилистики, семантики, а также представлены фонетико-графическими средствами и иконическими компонентами.

Безусловно, коммуникативная среда конфликта в рассматриваемой выборке накладывает отпечаток на характер развертывания и выбор средств экспликации конфликта. Дистантность, опосредованность, анонимность, синхронность/асинхронность общения способствуют возникновению цифрового варианта языка, характеризующегося значительными «трансформациями» на всех уровнях языковой системы: использованием сленговых выражений, инвектив, аббревиатур; созданием неологизмов, смешением стилей, употреблением фразеологизмов; фонетической ориентацией написания (применением принципа «пишу, как слышу»); наличием эллиптических предложений; пренебрежением знаками препинания либо использованием их в чрезмерном количестве для передачи эмоций, настроения, характера говорящего; повтором букв, шрифтовым выделением, употреблением заглавных букв, интервалов между буквами в словах [Алещенко, Алимуратов, Бойчук и др. 2015: 185–186]. Перечисленные «трансформации» в силу своевременности и контекстной обусловленности могут выступать актуализаторами речевого конфликта.

Перейдем к рассмотрению вербальных и невербальных актуализаторов речевого конфликта, наблюдаемых в комментариях к блогам в «Живом Журнале».

Вербальные маркеры конфликтного речевого поведения в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19. Анализ вербальной составляющей этапа зарождения конфликта в процессе обмена комментариями в интернет-среде периода пандемии COVID-19 позволил исчислить характерные наиболее частотные средства, запускающие механизм конфликтного взаимодействия.

Пример 1.

— Но то что **коронабесный идиот billibonch сознательно выбрал заболеть коронавирусом и сдохнуть** — похвально. **Убей себя — спаси планету от дебилов :-))**)¹

— *ответ тогда биолог*

на сайте grls.rosminzdrav написано испытание вакцины закончится в 22-ом году, можно ли принудительно испытывать ее на людях.

— *Никакой принудилочки нет. Умные прививаются — идиоты не прививаются и самостоятельно героически дохнут сотнями в день;)))*

— *да уж, вот интересно, кремлебот? или очень больной?*²

¹ Цитаты приводятся без изменений.

² Электронный ресурс <https://ilyavaliyev.livejournal.com/8938975.html>. (14.07.2021).

Очевидными маркерами, обладающими конфликтогенным потенциалом, которые нашли отражение в материале исследования, послужили пейоративы, просторечная и жаргонная лексика [Жельвис 2000; Кулаков 2011; Курьянович 2018; Белова 2015; Третьякова 2003] (32 % от общего объема анализируемых контекстов).

Помимо адресного и безадресного употребления пейоративных номинаций (*коронабесный идиот, дебил*) в примере 1 наблюдаем иные компоненты, характеризующиеся как маркеры конфликтного речевого поведения. В частности, инвектива *идиот* дополнена эпитетом с отрицательной коннотацией, которым является окказионализм [Макаренко 2018] *коронабесный* [Приемышева 2021: 139], глаголом с отрицательной коннотацией *сдохнуть* (имеет помету «груб.» — грубое — в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов 1998]), императивами [Третьякова 2003; Белова 2015; Макаренко 2018], передающими побуждение к отрицательному, порицаемому действию (*убей себя — спаси планету, сходи в с*ртир*), используемыми в высказывании в виде лозунга и манифестирующими негативное отношение к реципиенту. Частотность проявления отмеченных маркеров конфликтного взаимодействия в анализируемом материале распределилась следующим образом: глаголы с отрицательной коннотацией упомянуты в 12 % от общего объема контекстов, окказионализмы — в 7 %.

Пример 2.

- *Инфузория* пытается шутить. Выходит неуклюже.
- На *одноклеточных* обижаться глупо. Ну прыгает *макака*, и что.
- *Не кукарекай макака!*
- Я не буду, уговорил — *твоих вскукареков хватает*³.

Подтвержденным маркером виртуальной конфликтной коммуникации в примере 2 стали зоосемантические метафоры (4 % от общего объема контекстов), относящиеся к агрессивным инвективам [Курьянович 2018; Карамова, Карамов 2021; Маслов 2014].

Зоосемантические метафоры (*инфузория, макака*), подчеркивающие качества, которыми оппоненты наделяют друг друга (недостаток ума и сообразительности, необоснованность выражаемой позиции), служат маркерами вербальной агрессии и актуализаторами конфликтного потенциала текста.

Пример 3.

— Я так понимаю, Вы себя причисляете с *пиплам*, которые *сайенс*? Seriously? Это верующие-то масочники, ковид-паникеры, рекламирующие фуфлопидемию — *сайенс*? Слово, *штоле*, понравилось?

— «Бла-бла-бла, мистер Андерсон». Я в который раз отмечу тщетность Ваших потуг. Вы бы хоть *пруфы* какие-то имитировали, а то одни лозунги. ...Заканчивайте Вы эту клоунаду, лучше идите книжков почитайте⁴.

Такой стилистический прием, как англоязычные вкрапления (2 % от общего объема контекстов) создает в тексте комментарий определенный иронический эффект, может служить средством демонстрации неприязни к оппоненту и, как след-

³ Электронный ресурс https://dralexandra.livejournal.com/585430.html?utm_source=popular. (31.01.2022).

⁴ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (29.12.2020).

ствии, может быть также отнесен к вербальным маркерам конфликтного речевого поведения. В примере 3 наблюдаем англоязычные вкрапления *сайенс, пипл*, умышленное искажение написания (фонетическая ориентация) *штоле*.

Пример 4.

— **СПИДоносец**, никому нет дела до того, что у тебя нет иммунитета. Это твое личное горе. Мы всех **спидоносцев** выселяем в резервации. А к здоровым тебе лезть никто не позволит. Никто не обязан тратить свое время на тебя **у*бищного!!**

— Где и кем это доказано?

— Да ты прежде, чем садится на корабль, хоть почитай какой у него Пункт Назначения. А то сел не на свой корабль, а теперь мечтаешь с него сбежать, или захватить?))))

— да иди ты на х** вместе со своим кораблём

— Да и ты иди на дно; мы крыс умеем изгонять!!⁵

Актуализаторами конфликтов в исследуемом материале служили многочисленные лексемы с негативной коннотацией (23 % от общего объема контекстов), характеризующие не только умственное развитие человека (*дебил, тупой, не очень умный*), но и содержащие экспрессивную негативную оценку здоровья, уровня образованности, этнической, расовой, национальной, социальной принадлежности, негативную номинацию лиц с точки зрения профессии, происхождения, социально осуждаемой деятельности, а также лиц, проявляющих нетактичное поведение, приверженцев неподдерживаемых взглядов, идей и позиций (*спидоносец* — в примере 4).

Пример 5.

— **Есть хитрые** (хоть и **не очень умные**) **чинуши** разных стран. В Италии коррупция — что-то вроде нац. забавы — неудивительно, что там вдруг «прописался» этот чудотворный вирус. И есть **быдло**, которое обязано **хавать** всё, что пишут газетчики. Ещё вопросы?

— Да. Ты тоже умный или так, погулять вышел?

— Вышел посмотреть на тебя =)

— То есть, не умный. Я так и понял.

— Куда уж до тебя. Не тебе г**ном обзывать на сми, если сам же хаваешь всё подряд из них ;)

— Что ты несёшь, неумный? Какие «сми»??

— Короче, башусер — иди башусерь. Не лезь в высокие (для тебя) сферы.

— Вот прям по-взрослому ответил наш дурачок :)) «Ахахаха, сам дурак, сам дурак!». Ты ещё попрыгай и попередразнивай⁶.

В примере 5 для обозначения профессии чиновника и демонстрации собственного отношения к лицам, осуществляющим данную профессиональную деятельность, использована уничижительная номинация профессии *чинуша* (данная лек-

⁵ Электронный ресурс https://sapojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3. (01.02.2022).

⁶ Электронный ресурс <https://tema.livejournal.com/3216178.html>. (07.03.2020–11.03.2020).

сема имеет помету «сниж.» — сниженное⁷). Надменность автора подчеркивается высказываемыми по отношению к лицам данной профессии характеристиками *хитрые, не очень умные*. Негативно автор отзывается и о рядовом населении, что демонстрируется через лексемы *быдло, хавать* (данные лексемы также имеют помету «сниж.»⁸), использование которых является аллюзией к прецедентному высказыванию Богдана Титомира «Пипл хавает» (1990-х годов) [Серов 2003].

Пример 6.

— Судя по дико растущим цифрам, весь мир уже **по десятому кругу** болеет. Западные СМИ — самый главный источник **инфекции**.

— Нет. Это просто **эпидемия нарастает**. В большинстве своём **из-за тупорылых анти-ковидников**.

— А что там у нас с гриппом и ОРЗ? Закончились?:)

— Ничего никуда не исчезло...а вы всё смеитесь и ёрничайте. Пока не коснётся.

— Я не ерничаю. Вирусы были, есть и будут. Но почему-то из-за этого раздули «пандемию»⁹.

Значимым компонентом конфликтно окрашенных комментариев в анализируемом материале (пример 6) служат лексические средства с семантикой угрозы, изолирования, вакцинирования (17 % от общего объема контекстов).

Отождествление автором западных СМИ в качестве источника инфекции дискредитирует данные СМИ. Негативная оценка усиливается благодаря намеренному преувеличению (*по десятому кругу*). Вина за рост заболеваемости (*эпидемия*) возложена на противников вакцинирования (*анти-ковидник* — окказионализм периода пандемии [Приемышева 2021: 21]), негативное отношение к которым усилено эпитетом с оценкой умственных возможностей *тупорылый*, отмеченным в «Большом толковом словаре русского языка» пометами «пренебр.» (пренебрежительное), «груб.» (грубое) [Кузнецов 1998].

Пример 7.

— Этот человек **бесцеремонно врёт**. Сначала **распространял враньё** про Канаду, теперь про Данию. **Перестаньте врать**. Ведь эта информация легко проверяется.

— Чё, правда глаза колет? Чё так жидко-то? ...Тупой, или прикидываешься?¹⁰

Пример 8.

— Этот блог — одна сплошная **пропагандистская натяжка**)

— Тогда чо тут трёшься? Брысь в схрон)¹¹

Обвинения в неискренности одного из коммуникантов в примере 7 (*бесцеремонно врёт, распространял враньё*) и в распространении ложной информации и подтасовке данных в целом блоге в примере 8 (*блог — одна сплошная пропаган-*

⁷ Научно-информационный орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс <https://orfo.ruslang.ru/>.

⁸ Там же.

⁹ Электронный ресурс <https://masterok.livejournal.com/6720489.html?page=2#comments>. (15.11.2020 — 17.11.2020).

¹⁰ Электронный ресурс <https://chervonec-001.livejournal.com/3210557.html>. (27.03.2020).

¹¹ Там же.

дистская натяжка) провоцируют ответную защитную реакцию (*Тогда чо тут трёшься? Брысь в схрон*).

Пример 9.

— *Надеюсь тебя сплющит и откинешь копыта, как многие антиваксеры. А лучше бы все так. БОльшие бы места стало.*

— *О, агрессивный апостол масок и свидетель ковида нарисовался. Не забывай три раза делать «ку» и присесть¹².*

Фразеологизмы (3 % от общего объема контекстов), выражающие отрицательную оценку и служащие маркерами конфликтного взаимодействия (подробнее об этом см.: [Макаренко 2018]), также встречаются в интернет-среде периода пандемии (пример 9). К частотным фразеологизмам, обладающим негативной коннотацией и наблюдаемым в анализируемом материале, можно отнести единицы с семантикой «умереть» (*отбросить коньки, откинуть копыта, дать дуба, отправиться на тот свет, отдать Богу душу, уйти в иной мир, испустить дух*), «обманывать» (*пудрить мозги, морочить голову, заговаривать зубы, мутить воду*), «доверять» (*принимать за чистую монету, уши развесить, верить на слово*), «испытывать тяжелое эмоциональное состояние, переживать» (*лезть на стену, выходить из себя, кусать локти, опускать руки*).

Пример 10.

Займитесь чем-нибудь, действительно полезным, — творчество сделало из обезьяны человека. И Вы сможете попытаться!¹³

Пример 11.

Выкладывай сюда информацию, словоблуд¹⁴.

Пример 12.

Учили бы Вы уже русский, раз неосторожно решили пытаться в наброс на этом чуждом для Вас языке¹⁵.

Характерным конфликтным маркером в анализируемом материале явилось применение императивных конструкций (примеры 10 и 11), сослагательного наклонения в побудительном значении (пример 12). По частотности проявления в качестве маркеров конфликтного взаимодействия ситуации применения сослагательного наклонения (9 % от общего объема контекстов) уступают императивным конструкциям (19 %).

Передачу конфликтопровоцирующей интенции адресанта обеспечивали в рамках рассматриваемой выборки также множественные вопросы, побуждающие адресата занять оборонительную позицию, неполные предложения, в том числе вопросительные, а также параллельные конструкции, повторы. Наиболее частотными маркерами конфликтного взаимодействия в рамках рассматриваемого материала признаются неполные предложения, в том числе вопросительные (38 % от общего объема контекстов). Им уступают множественные вопросы (15 %) и па-

¹² Электронный ресурс <https://masterok.livejournal.com/7507368.html>. (23.10.2021).

¹³ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (30.12.2020).

¹⁴ Электронный ресурс <https://botalex.livejournal.com/173142.html>. (28.12.2020).

¹⁵ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (30.12.2020).

раллельные конструкции (13%). Реже всего были замечены повторы (6%), что тем не менее не исключает присущую им провокационную функцию и не лишает их права признаваться маркером конфликта.

Пример 13.

Юноша.

Вы что, совсем?

Вы что не читаете журнал «Непредвзятого аналитика????!!!

В котором СТОЛЬКО РАЗ и ВАМ указывалось!!!

Что этот вирус создан у нас тут в ПОМЕРКАХ!!

А вы тут поливаете своими испражнениями эту УХАНЬСКУЮ лабораторию

Так не так давно один ОЧЕНЬ УМНЫЙ ПАРЕНЬ!

и ВАМ тыкнул в нос, что в Ухани была КЛАССИЧЕСКАЯ ПОДСТАВА.

Я к своему ужасу увидел, что тот парень НА ПОРЯДОК умнее меня.

Я-то эти детали и не заметил.

так, что заткнитесь ТЕМ ПАРНЕМ!!

И сопите в две дырочки.

Как я это делаю, после прочтения одного его материала на его странице...¹⁶

Выбор формы обращения в примере 13 (*Юноша*) определяет всю тональность сообщения и служит «способом выразить свое личное отношение к собеседнику» [Воронова 2014: 37]. «Большой толковый словарь русского языка» определяет «юношу» как «лицо мужского пола в возрасте, переходном от отрочества к возмужанию; молодой человек» [Кузнецов 1998]. Можно заключить, что, используя данное обращение, автор желает подчеркнуть незрелость, легкомыслие, неопытность, беспечность, ошибочность суждений адресата. Высказывание *Вы что, совсем...?* является примером неполного вопросительного предложения, смысловая часть которого, замененная на многоточие, легко восстанавливается из контекста и определенно выражает сомнение автора в разумности оппонента, пренебрежительное отношение говорящего к собеседнику. В рассматриваемом комментарии агрессивный настрой и семантику конфликта передают также просторечное *тыкнуть в нос* (с пометой «прост.» (просторечное) в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов 1998]), императив *заткнитесь* (с пометой «разг.-сниж.» (разговорно-сниженное) в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов 1998]) и фразеологизм с глаголом в повелительном наклонении *сопите в две дырочки*. Примечательным является оформление сообщения, в котором каждое предложение (а также части предложения в случае расчлененности последнего на несколько самостоятельных единиц) начинается с новой строки. Подобная сегментация речевого потока (обнаружена в 9% от общего объема контекстов), представленного в печатном виде, служит для передачи эмоционального состояния коммуниканта. Парцеллированные конструкции (*Вы что не читаете журнал «Непредвзятого аналитика????!!! В котором СТОЛЬКО РАЗ и ВАМ указывалось!!! Что этот вирус создан у нас тут в ПОМЕРКАХ!!!*) указывают на раздраженное состояние автора, его негодование, некоторое разочарование.

¹⁶ Электронный ресурс <https://a-nalgin.livejournal.com/1988841.html>. (13.01.2021).

Невербальные маркеры конфликтного речевого поведения в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19. Невербальные особенности интернет-коммуникации, принимаемые нами в качестве актуализаторов конфликта в период пандемии COVID-19, во многом стали возможны благодаря особым параметрам интернет-коммуникации (специфическому формату коммуникации, временным параметрам (синхронная/асинхронная коммуникация), скорости набора текста, опосредованной связи между общающимися, анонимности коммуникантов), влияющим на появление присущих цифровому варианту языка значительных трансформаций на всех уровнях языковой системы.

Анализируя пример 13 на предмет наличия в нем невербальных маркеров конфликтного взаимодействия, укажем следующее. Эмоциональное напряжение прослеживается также в обилии знаков препинания (54% от общего объема контекстов) после каждой фразы и в наличии слов, написанных прописными буквами (16%), с целью их смыслового выделения и с целью создания противоречия и провозглашения конфликта.

Пример 14.

— *Эта **мразь** в действительности не кололась, потому что знает истинное назначение этой **ПОДЛОЙ ЗАТЕИ**. **НО МРАЗИ ХОРОШО ЗАПЛАТИЛИ И ОНА СОГЛАСИЛАСЬ ИСПРАЖНЯТЬСЯ НА ЭТУ ТЕМУ.***

— *А вы откуда знаете как там оно в действительности? Помолитесь и вам ангелы правды нарубали?*¹⁷

В примере 14 наблюдается графическое выделение текста заглавными буквами, которое служит одним из провокаторов конфликтной коммуникации, для передачи собственного эмоционального состояния (настроения).

В комментарии демонстрируется откровенное указание на продажность одного из комментаторов (*хорошо заплатили*), его обман публики (*в действительности не кололась*), отношение к нему (лексема с оскорбительным значением, относящаяся к просторечным и бранным словам: *мразь* — слово дано с пометой «бран.» (бранное) в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов 1998]), а также отношение к массовой вакцинации (характеристика, свойственная негативной с точки зрения интересов общественной деятельности, — *подлая затея*). Недовольствие автора выражается не только через подобранные лексические средства и грамматические конструкции, но и через употребление заглавных букв для выделения значимой смысловой части.

Одним из явлений, присущих интернет-коммуникации, является намеренное зачеркивание части текста с целью его выделения (10% от общего объема контекстов). Автору сообщения необходимо привлечь внимание к информации, содержащейся в зачеркнутом тексте. При такой форме графической презентации текст приобретает игровой эффект, что может служить актуализатором конфликта.

Пример 15.

— *Побороли все-таки эти вирусные болезни:). Теперь **если** температура и кашель, **то** не пневмония, а ковид. **Если** насморк и лихорадит, **то** не ОРЗ, а ковид.*

¹⁷ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (29.12.2020).

А если ничего не болит, то все равно ковид бессимптомный. За идиотов всех держат.

— *Вы не понимаете написанного? Все проблемы начались после ковида. ...а ничего, что ковид гораздо более заразен, сложнее вычисляем и гораздо опаснее? В несколько раз. И что от него нет до сих пор массовой вакцины*¹⁸.

Помимо шрифтового выделения (зачеркивания) (*За идиотов всех держат*), в примере 15 наблюдается параллелизм синтаксических конструкций с союзом *если* и соотносительным словом *то*. Подобная симметричность построения текста обеспечивает его экспрессивность, что способно вызвать резкую ответную реакцию.

Пример 16.

«карантина нет»

А где есть?

«цифры заниженные»

Кто сказал?

«за голосование трясется»

Какое голосование?

«Вот о чем говорить надо»

Кому надо?¹⁹

Конфликтпровоцирующая интенция коммуниканта в примере 16 демонстрируется с помощью «атаки собеседника вопросами», зачастую не предполагающими получение какого-либо ответа. Данный прием можно наблюдать в ситуации, когда комментарий потенциальной жертвы агрессора раскладывается автором сообщения на отдельные компоненты (словосочетания, предложения), и вопросы адресуются точно к каждому из компонентов.

Пример 17.

— ***аффттар***, сфига ли мелочиться — умножай сразу на сто ***мильенов*** — так будет точнее. Пять миллионов померших от вакцин — вот хорошая ***тсыфра***. Обожаю таких ***гениев***, — взять официальные данные, придумать чего-то из собственной ***бестолковки***, поумножать — и вуаля! страшилка, основанная на «официальных» цифрах! ***Аффттар, пейшысчо!***

— *Какой злой!*²⁰

Эрративы, присутствующие в комментариях (применение так называемого языка падонков), также можно отнести к типичным невербальным компонентам, свойственным инициаторам конфликта (4% от общего объема контекстов). Согласно И. Б. Александровой, «язык падонков» используется, чтобы унижить собеседника, когда говорящий ставит себя выше того, к кому обращены его слова, не испытывает уважения к адресату высказывания, провоцирует собеседника на конфликт, а также как речевое средство психологического подавления собеседника [Александрова 2006: 53].

¹⁸ Электронный ресурс <https://masterok.livejournal.com/6720489.html?page=2#comments>. (17.11.2020).

¹⁹ Электронный ресурс <https://chervonec-001.livejournal.com/3210557.html>. (27.03.2020).

²⁰ Электронный ресурс <https://nukakzeta.livejournal.com/15765.html?page=2>. (18.06.2021).

В примере 17 использованы эрративы (*аффттар, тсыфра, мильенов, пешыисчо*), поддержанные резким противопоставлением, столкновением противоположных понятий *гений — бестолковка*, заключением текста в кавычки («официальные» *цифры*), выступающим в качестве оценочного знака для выражения авторской иронии.

Пример 18.

— Но, огорчу Вас, — летом я переболел чем-то подобным, по крайней мере, по симптомам и последствиям для дыхания!

— Да, к врачам, на всякий случай, не обращался, лечился сам²¹

Для выражения отношения к сказанному и провоцирования ответной агрессивной реакции в тексты комментариев включались подходящие иллюстрации (интернет-мемы), представляющие собой невербальное средство выражения эмоций говорящего (7% от общего объема контекстов). Так, в примере 18 с целью демонстрации недоверия к сказанному на каждую из реплик собеседника автор отвечает мемом, содержащим изображение Вилли Вонка (персонажа фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика») в исполнении актера Джина Уайлдера, демонстрирующим свое превосходство и осведомленность в ложности сообщаемой ему информации.

²¹ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (29.12.2020).

Пример 19.

— но мне и гомеопатия помогает, и даже аппендицит с её помощью вылечил (когда по скорой увезли и собрались оперировать)

— Списали потом на то, что УЗИ у них засбоило и не там жидкость показало²²

В примере 19 уныние и жалость к собеседнику, искренне верящему в силу гомеопатии и спасшемуся от операции по удалению аппендицита благодаря данному виду альтернативной медицины, автор передает через демонстрацию «грустного клоуна», а свое недоверие к сказанному выражает с помощью креолизованного текста, вербальная часть которого представлена прилагательным в сравнительной степени (*божественнее*), выполняющим функцию гиперболизации нереальности происходящего, а иконическая часть мема поддерживает вербальную и изображает Данте Алигьери (создателя поэмы «Божественная комедия»).

²² Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (29.12.2020).

Результаты исследования

Анализ комментариев к постам в «Живом Журнале» периода пандемии COVID-19, отобранных методом сплошной выборки, позволил выявить наиболее типичные маркеры конфликтного речевого поведения, наблюдаемые в интернет-опосредованной коммуникации в указанный период. К числу таких актуализаторов были отнесены как вербальные средства, так и невербальные компоненты. Наиболее частотными вербальными маркерами конфликтного взаимодействия в анализируемом материале явились пейоративы, просторечная, жаргонная лексика (32 % от общего объема контекстов), что было достаточно предсказуемо. Следующими по частотности применения оказались лексемы с негативной коннотацией, характеризующие умственное развитие человека, содержащие экспрессивную негативную оценку здоровья, этнической, расовой, национальной, социальной принадлежности, приписывание лицу нетактичного поведения, сомнительных взглядов, идей и позиций, выполнение действий, не одобряемых обществом (23 и 12 %), использование неполных предложений, в том числе вопросительных (38 %). Менее частотными вербальными маркерами в рассматриваемом материале выступили англоязычные вкрапления (2 %), сегментация речевого потока (9 %) и повторы (6 %).

Невербальные маркеры конфликтного взаимодействия во многом были обусловлены особенными параметрами интернет-коммуникации, влияющими на появление присущих цифровому варианту языка значительных трансформаций на всех уровнях языковой системы. Невербальными маркерами послужили обилие знаков препинания (54 % от общего объема контекстов), шрифтовывделение (прописные буквы — 16 %, зачеркивание текста — 10 %). Реже в комментариях наблюдались интернет-мемы как средство выражения эмоций (7 %) и эрративы (4 %).

Выводы

Изучение комментариев к постам в блогах, появившихся в период пандемии COVID-19, на предмет наличия в них маркеров конфликтопровоцирующей интенции авторов позволило заключить, что в рассматриваемом материале имеются вербальные и невербальные единицы, способствующие провокации конфликта. Основными вербальными средствами-актуализаторами конфликтного смысла являлись: пейоративы, просторечная, жаргонная лексика, глаголы и прилагательные с отрицательной коннотацией, окказионализмы, в том числе появившиеся в период пандемии COVID-19, зоосемантические метафоры, англоязычные вкрапления, лексические средства с семантикой угрозы, изолирования, вакцинирования, императивные конструкции, парцеллированные конструкции, сослагательное наклонение, множественные вопросы, параллельные конструкции, повторы, неполные вопросительные предложения, словообразовательные элементы, придающие словам пренебрежительно-уменьшительный оттенок.

Важную роль в актуализации конфликтных текстовых смыслов играют также невербальные средства. К невербальным маркерам-актуализаторам конфликтопровоцирующей интенции авторов комментариев в рамках настоящей выборки отнесем: обилие знаков препинания, написание слов (текста) прописными буква-

ми, намеренное зачеркивание части текста с целью его выделения, эрративы, интернет-мемы.

Перечисленные вербальные и невербальные маркеры, выступающие в качестве актуализаторов конфликтного потенциала текста, призваны продемонстрировать конфликтопровоцирующую интенцию авторов интернет-комментариев, обеспечить реализацию стратегий и тактик конфликтного речевого поведения коммуникантов в виртуальном мире периода пандемии COVID-19.

Литература

- Александрова, И. Б. (2006). Особенности речевого общения в блогах. *Русская речь*, 6, 53.
- Алещенко, В. Н., Алимуратов, О. А., Бойчук, Е. И., Гукосьянц, О. Ю., Кацитадзе, И. М., Косоногова, О. В., Милетова, Е. В., Серебренникова, Н. Г., Христианова, Н. В., Чиронов, С. В., Шишкина, Т. С. (2015). *Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики*. Кн. 2. Новосибирск: ЦРНС.
- Белова, Е. В. (2015). Модель конфликтной языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*, 114, 1368–1382.
- Белозерова, А. В. (2020). Эксплицитный конфликт как одно из проявлений некооперативного общения. В Е. А. Вансяцкая (Ред.), *Человек в современном коммуникационном пространстве* (с. 71–78). Иваново: ЛИСТОС.
- Белоус, Н. А., Ананьева, А. А. (2020). Признаки конфликтной интеракции в кибербуллинге среди подростков. *Молодой ученый*, 26 (316), 233–239.
- Воронова, Т. А. (2014). О некоторых особенностях обращения в современном русском языке. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета*, 14 (14), 37–41.
- Воронцова, Т. А. (2017). Коммуникативный конфликт в интернет-дискурсе. В А. В. Должикова, В. В. Барабаш (Ред.), *Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. (8–9 февраля 2017 г., РУДН, Москва, Россия)* (с. 168–173). М.: РУДН.
- Голев, Н. Д., Ким, Л. Г. (2023). Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев). *Медиалингвистика*, 10 (1), 4–26.
- Голев, Н. Д., Обелюнас, Н. В. (2014). Лингвоконфликтология. В А. П. Сквородников (Ред.), *Эффективное общение (базовые компетенции)*. (с. 279–280). Красноярск: Сибирский федерал. ун-т.
- Жельвис, В. И. (2000). Слово и дело: юридический аспект сквернословия. *Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии*, 2, 195–206.
- Иванова, И. (2023). Векторная вариативность и характер реакций читателей на сообщения в онлайн-медиа. *Медиалингвистика*, 10 (1), 27–46.
- Карамова, А. А., Карамов, Т. Д. (2021). Лингвистическая экспертиза речевых актов оскорбления (по разным категориям дел). В *Актуальные вопросы и векторы развития современной филологии* (с. 4–41). Петрозаводск: Новая Наука.
- Кара-Мурза, Е. С. (2020). Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса). *Вестник Волгоградского государственного университета*, 19 (1), 18–27.
- Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт.
- Кулаков, А. Е. (2011). Междометные инвективы и общие проблемы инвектологии. *Известия Саратовского университета*, 2 (11), 32–34.
- Курьянович, А. В. (2018). Опыт лингво-правовой характеристики конфликтной языковой личности (на примере анализа коммуникативного поведения тролля в сетевой переписке). *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2 (191), 127–142.
- Кушнерук, С. П. (2020). Недоброе слово: оскорбление, клевета, унижение чести, умаление достоинства. *Юрислингвистика*, 16 (27), 23–27.
- Макаренко, Г. С. (2018). *Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты*. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа.
- Маслов, А. С. (2014). *Зоометафоры-инвективы в современном русском языке (экспериментальное исследование)*. Дис. ... канд. филол. наук. Белгород.
- Муравьева, Н. В. (2002). *Язык конфликта*. М.: МЭИ.

- Приемышева, М. Н. (Ред.). (2021). *Словарь русского языка коронавирусной эпохи*. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН.
- Савельева, И. В. (2019). Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 21 (3), 839–849.
- Серов, В. (Ред.). (2003). *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. М.: Локид-Пресс.
- Сидоров, В. А. (Ред.). (2019). *Коммуникативные агрессии XXI века*. СПб: Алетейя.
- Третьякова, В. С. (2003). *Речевой конфликт и гармонизация общения*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва.
- Трофимова, Г. Н., Барабаш, В. В. (2020). *Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бу- меранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации)*. М.: РУДН.
- Шарифуллин, Б. Я. (2016). Инвективные жанры мужской и женской коммуникации. *Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст.*, 7 (7), 50–62.
- Щербинина, Ю. В. (2013). *Речевая агрессия: территория вражды*. М.: Форум.
- Cui, Y. (2020). An analysis of the linguistic features of conflict talks in polylogues of English majors. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: International Conference on Arts, Humanity and Economics, Management (ICAHEM 2019)*, 425, 162–166.
- Duskaeva, L. R. (2020). Speech etiquette in online communities: medialogistics analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (1), 56–79.
- Infante, D. A. (1989). Response to high argumentativeness: Message and sex differences. *Southern Communication Journal*, 54 (2), 159–170.
- Schrodt, P., Wheelless, L. (2001). Aggressive communication and informational reception apprehension: The influence of listening anxiety and intellectual inflexibility on trait argumentativeness and verbal aggressiveness. *Communication Quarterly*, 49 (1), 53–69.
- Towns, A. J., Adams, P. J. (2018). Discursive psychology and domestic violence. In S. Gibson (Ed.), *Discourse, Peace, and Conflict: Discursive Psychology Perspectives* (pp. 49–66). Cham: Springer Nature Switzerland AG.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2023 г.;
рекомендована к печати 21 мая 2023 г.

Контактная информация:

Гукосьянц Ольга Юрьевна — канд. филол. наук, доц.; gukosjants@mail.ru

Some markers of authorial conflict intention in Internet comments during the COVID-19 pandemic*

O. Yu. Gukosyants

Pyatigorsk State University,
9, pr. Kalinina, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation

For citation: Gukosyants O. Yu. (2023). Some markers of authorial conflict intention in Internet comments during the COVID-19 pandemic. *Media Linguistics*, 10 (3), 301–318.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.302> (In Russian)

The range of conflict markers in confrontational interaction is determined largely both by the situation provoking the collision and by the conditions for the communication implementation. The context of the conflict in this work was the period of the COVID-19 pandemic. The conditions for the conflict implementation became the virtual environment; Internet comment. The purpose of this research is to calculate the verbal and non-verbal markers of conflict

* The paper was done within the framework of the project MK-1675.2022.2 “A comprehensive pragmatic-linguistic study of the mechanisms for provoking and preventing the emergence and development of conflict situations in virtual environment in pandemic conditions” with a grant from the President of the Russian Federation.

speech behavior observed in Internet comments during the COVID-19 pandemic. To achieve this goal the methods of complex communicative-pragmatic analysis, linguostylistic analysis and contextual analysis were used. With the methods of statistical analysis the frequency of the indicated verbal and non-verbal markers manifestation was determined and the preferred speech means to implement authorial conflicting intention in the designated time period was established. The verbal markers are some pejoratives, colloquies, jargon, occasional words, zoo-metaphors, English-language intersperses, phraseological units, lexemes with negative connotation which characterize human mental development, contain an expressive negative assessment of health, level of education, ethnic, racial, national, social affiliation of the characterized person, negative nomination of persons from the point of view of the profession, origin, socially condemned activities, persons with non-actual behavior, dissonant views, ideas and positions, language tools with the semantic meaning of threat, isolation, vaccination, imperatives, parceled constructions, subjunctive, multiple questions, repetitions, incomplete sentences, parallel constructions. Non-verbal markers include text in capital letters, strike-through text, erratives, Internet memes. These verbal and non-verbal markers ensure the implementation of strategies and tactics of the conflict speech behavior of communicants of this period; they are the key factors in constructing attitude among the audience.

Keywords: internet-mediated communication, conflict speech behavior, verbal markers of speech aggression, nonverbal markers of speech aggression, COVID-19 pandemic.

References

- Aleksandrova, I. B. (2006). Features of speech communication in blogs. *Ruskaia rech'*, 6, 53. (In Russian)
- Aleshchenko, V. N., Alimuradov, O. A., Boichuk, E. I., Gukosyants, O. Yu., Katsitadze, I. M., Kosonogova, O. V., Miletova, E. V., Serebrennikova, N. G., Khristianova, N. V., Chironov, S. V., Shishkina, T. S. (2015). *Problems of Linguistics, Language Theory and Applied Linguistics*. Vol. 2. Novosibirsk: TsRNS Publ. (In Russian)
- Belous, N. A., Anan'eva, A. A. (2020). Signs of conflict interaction in cyberbullying among adolescents. *Molodoi uchenyi*, 26 (316), 233–239. (In Russian)
- Belova, E. V. (2015). A model of the conflict linguistic personality in everyday conflict discourse. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 114, 1368–1382. (In Russian)
- Belozeroва, A. V. (2020). Explicit conflict as one of the manifestations of non-cooperative communication. In E. A. Vansiatskaia (Ed.), *Chelovek v sovremennom kommunikatsionnom prostranstve* (pp. 71–78). Ivanovo: LISTOS Publ. (In Russian)
- Cui, Y. (2020). An analysis of the linguistic features of conflict talks in polylogues of English majors. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: International Conference on Arts, Humanity and Economics, Management (ICAHM 2019)*, 425, 162–166.
- Duskaeva, L. R. (2020). Speech etiquette in online communities: mediallynguistics analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (1), 56–79.
- Golev, N. D., Kim, L. G. (2023). Dictum-modus pluralism in virtual dialogic discourse (based on Internet comments). *Media Linguistics*, 10 (1), 4–26. (In Russian)
- Golev, N. D., Obeliunas, N. V. (2014). Linguoconflictology. In A. P. Skovorodnikov (Ed.), *Effektivnoe obshchenie (bazovye kompetentsii)* (pp. 279–280). Krasnoyarsk: Sibirskii federal. un-t Publ. (In Russian)
- Infante, D. A. (1989). Response to high argumentativeness: Message and sex differences. *Southern Communication Journal*, 54 (2), 159–170.
- Ivanova, I. (2023). Vector variability of readers' reactions in comments to news articles in online media. *Media Linguistics*, 10 (1), 27–46. (In Russian)
- Karamova, A. A., Karamov, T. D. (2021). Linguistic examination of verbal acts of insult (for different categories of cases). In *Aktual'nye voprosy i vektory razvitiia sovremennoi filologii* (pp. 4–41). Petrozavodsk: Novaia Nauka Publ. (In Russian)
- Kara-Murza, E. S. (2020). Linguoconflictology and Conflicts in Russian Media (Analysis of Double Case). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 19 (1), 18–27. (In Russian)
- Kulakov, A. E. (2011). Interjection Invectives and General Problems of Invectology. *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, 2 (11), 32–34. (In Russian)

- Kur'ianovich, A. V. (2018). Experience of linguistic and legal personality characteristics of conflict language personality (on the example of analysis of communicative behavior of troll in the network correspondence). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2 (191), 127–142. (In Russian)
- Kushneruk, S. P. (2020). Bad word: insult, slander, humiliation of honor. *Iurilingvistika*, 16 (27), 23–27. (In Russian)
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *The large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian)
- Makarenko, G. S. (2018). *Conflict text as the object of linguistic research: structural-semantic and pragmatic aspects*. PhD thesis. Ufa. (In Russian)
- Maslov, A. S. (2014). *Zoometaphores-invectives in modern Russian: experimental research*. PhD thesis. Belgorod. (In Russian)
- Murav'eva, N. V. (2002). *Language of Conflict*. Moscow: MEI Publ. (In Russian)
- Priemysheva, M. N. (Ed.). (2021). *Dictionary of the Russian language of the coronavirus era*. St. Petersburg: Institut lingvisticeskikh issledovaniĭ RAN Publ. (In Russian)
- Saveleva, I. V. (2019). Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 21 (3), 839–849. (In Russian)
- Schrodt, P., Wheelless, L. (2001). Aggressive communication and informational reception apprehension: The influence of listening anxiety and intellectual inflexibility on trait argumentativeness and verbal aggressiveness. *Communication Quarterly*, 49 (1), 53–69.
- Serov, V. (Ed.). (2003). *Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions*. Moscow: Lokid-Press Publ. (In Russian)
- Sharifullin, B. Ia. (2016). The invective genres of the male and female communication. *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve: sb. nauch. st.*, 7 (7), 50–62. (In Russian)
- Shcherbinina, Iu. V. (2013). *Speech Aggression: The Territory of Enmity*. Moscow: Forum Publ. (In Russian)
- Sidorov, V. A. (Ed.). (2019). *Communicative aggressions of the 21st century*. St. Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian)
- Towns, A. J., Adams, P. J. (2018). Discursive psychology and domestic violence. In S. Gibson (Ed.), *Discourse, Peace, and Conflict: Discursive Psychology Perspectives* (pp. 49–66). Cham: Springer Nature Switzerland AG.
- Tret'iakova, V. S. (2003). *Speech Conflict and Harmonization of Communication*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)
- Trofimova, G. N., Barabash, V. V. (2020). *Linguistic aftertaste of the Internet era in Russia: The boomerang effect (current processes in Russian-language digital media communication)*. Moscow: RUDN Publ. (In Russian)
- Voronova, T. A. (2014). About some features of modern Russian forms of address. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 14 (14), 37–41. (In Russian)
- Vorontsova, T. A. (2017). Communicative conflict in Internet discourse. In A. V. Dolzhikova, V. V. Barabash (Ed.), *Russkii iazyk v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiia, kul'tura: sb. st. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (8–9 fevralia 2017 g., RUDN, Moskva, Rossiia)* (pp. 168–173). Moscow: RUDN Publ. (In Russian)
- Zhel'vis, V. I. (2000). The word and the action: the legal aspect of dirty language. *Iurilingvistika-2: russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii*, 2, 195–206. (In Russian)

Received: December 20, 2023

Accepted: May 21, 2023

Author's information:

Olga Yu. Gukosyants — PhD, Associate Professor; gukosjants@mail.ru